

Для цитирования: Экономика региона. — 2015 — №3. — С. 134-147
doi 10.17059/2015-3-12
УДК: 316.346.32-053.6:331.101

Б. С. Павлов

Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ МОЛОДЕЖИ К ТРУДУ В СТАРОПРОМЫШЛЕННОМ РЕГИОНЕ: ОНТОГЕНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

В статье подчеркивается, что для стран, испытывающих кризис естественного воспроизводства человеческих ресурсов, повышение их качества является безальтернативным вариантом политики экономического роста. По мнению автора, ахиллесовой пятой современной системы воспроизводства трудового потенциала социума (на всех его территориально-поселенческих уровнях), формирования и использования трудовых ресурсов выступает провал в сфере трудового воспитания молодых поколений россиян на этапе получения общего образования и профессиональной социализации.

Трудовая деятельность для формирующейся личности ребенка является неперенным, ничем не заменимым атрибутом социализации. В статье проводится мысль, что участие учащейся молодежи в посильном общественно полезном труде не следует ограничивать лишь задачами воспитательного плана. По мере взросления молодых людей должна расти не только потенциальная способность к труду вообще. Автор считает, что детский труд (и сопутствующее ему трудовое воспитание) в современной России низведены в ранг «вне педагогического закона».

На основе статистических данных автор показывает, что социально-экономическому поведению подавляющего большинства учащейся молодежи на Урале присущ преимущественно потребительский, нетрудовой образ жизни. В частности, акцентируется внимание на формировании и закреплении эгоистического поведения студентов, игнорирующих ограниченные финансовые возможности своих родителей, спонсирующих их учебу в вузе.

Особое внимание уделяется проблемам социально-поселенческой ассимиляции уральской молодежи. При этом показано, что освоение сельской молодежью основ девиантной субкультуры городских сверстников — одна из значимых составляющих процесса дестабилизации основ сельского образа жизни.

Выводы и предложения статьи базируются на результатах ряда комплексных социологических исследований, проведенных в 2003–2014 гг. в городских и сельских поселениях Урала под научным руководством и с непосредственным участием автора.

Ключевые слова: молодежь, воспроизводство, трудовой потенциал, социализация, трудовое воспитание, родительская семья, детский труд, здоровье, нетрудовой образ жизни, социальные девиации, потребительство

Введение

Основополагающей предпосылкой понимания истории человеческого общества была и остается непрерывность существования сообществ живых человеческих индивидов. Это существование обеспечивалось постоянным воспроизводством двух основных сторон их жизненного процесса: с одной стороны, за счет производства «средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производства самого человека, продолжения рода» [1, т. 21, с. 23-26]. При этом поступательное прогрессивное развитие общества, сменяющие друг друга поко-

ления людей были неразрывно связаны, более того, обусловлены постоянным развитием, наращиванием производительной силы совокупного субъекта истории [1, т. 27, с. 402; т. 8, с. 119].

Теория

Характерной чертой постсовременного общества, по Н. Луману, является не столько потребность в создании условий стабильного существования, сколько интерес к крайним, даже невероятным альтернативам, которые разрушают условия для общественного консенсуса и подрывают основы коммуникации. Поведение, ориентированное на такие случайности, и принятие таких альтернатив являются противоречивыми. «Все усилия основать решения на рациональном подсчете не только остаются

¹ © Павлов Б. С. Текст. 2015.

безуспешными, но, в конечном счете, также подрывают требования метода и процедур рациональности». По утверждению Лумана, «современное рисковое поведение вообще не вписывается в схему рационального/иррационального» [2, р. 18].

Э. Гидденс ввел понятие «онтологическая безопасность», т. е. ощущение надежности людей и вещей, надежности и предсказуемости повседневной жизни. Гидденс уделил большое внимание соотношению модерна и традиции. Модернизация разрушает традицию, главным врагом которой является растущая институциональная рефлексивность. Но, по его мнению (и это важно для нас), «сотрудничество» модерна и традиции было критически важным на его ранних стадиях, когда предполагалось, что риск может быть калькулирован [3, с. 91].

В разряд «рисковых, непредсказуемых поведений» в условиях современного российского социума следует отнести поведение россиян в сфере труда, как производственного, так и внепроизводственного. В данной статье нас, в первую очередь, интересует процесс включения в общественное производство молодых поколений россиян и сопутствующее ему трудовое поведение детей (молодых людей) по мере их онтогенетического взросления и трудовой социализации.

Если обратиться к недавней идеологии социалистического общества, то ее центральной идеей, активно внедряемой в общественное сознание, была идея об особой ценности и миссии труда в общественной и индивидуальной жизни. Сфера трудовой деятельности представлялась, с одной стороны, как способ обеспечения экономического процветания государства и увеличения общественного богатства, с другой — как средство самовыражения и саморазвития человека. Эта установка, благодаря мощной пропагандистской машине довольно успешно внедрилась в сознание живущих ныне старших поколений россиян. Не переставая быть общественно значимой ценностью в целом для социума, для его подразделений, как для нового поколения, так и для многих представителей старшего поколения, феномен труда в общественном сознании сегодня превратился преимущественно в средство индивидуального (семейного, группового) жизнеобеспечения [4].

Известно, что главной производительной силой общества является человеческий ресурс. Поэтому процветает то общество, которое создало условия для лучшего использования, воспроизводства и обогащения данного ресурса.

Проблемы интенсификации экономического роста и формирования трудового потенциала, адекватного современному этапу развития, особенно актуальны для стран, испытывающих кризис естественного воспроизводства населения и связанное с ним сокращение численности экономически активного населения. При этом повышение качества трудовых ресурсов является безальтернативным вариантом политики экономического роста [5].

Молодежь традиционно считается наиболее мобильной социальной группой. Ее энергия и гибкость особенно востребованы в современном динамично развивающемся обществе. Возрастает роль молодежи в качестве потенциального источника преобразований всех сфер жизни. Молодые люди не только усваивают ценности предыдущих поколений, но и генерируют новые. Молодежная интерпретация культурного наследия и окружающей действительности во многом определяет направления общественного развития. Умные, дальновидные реформаторы не могут не видеть в молодежи обновляющую силу, оживляющий инновационный элемент, интеллектуальный, духовный и энергетический резерв, который выступает на передний план и вводится в действие, когда обществу надо произвести глубокую и быструю перемену и в то же время хорошо приспособиться к быстро меняющимся и качественно новым обстоятельствам. В этом и состоит основная социальная функция молодежи в обществе [6].

Небеспредметен в связи с этим вопрос: достаточно ли сегодня в России молодежи для решения важнейших задач поступательного развития социума? (Речь, прежде всего, о количественном факторе). По официальным данным Росстата, в 2012 г. в РФ насчитывалось 31,6 млн молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет, что составляет 22 % от общей численности населения России. В 2011 г. молодых людей указанного возраста насчитывалось 32,4 млн чел., в 2009 г. — 33,7 млн чел. Таким образом, в последние годы количество молодых людей и их доля в общей структуре населения страны неуклонно снижаются. По оценкам Минобрнауки, к середине 20-х гг. этого столетия число проживающих в России молодых людей уменьшится до 25 млн чел.

А как обстоят дела на Урале? Региональная статистика свидетельствует, что до 2020 г. рынок труда в УрФО за счет неродившихся в 90-х годах «недосчитается» более 700 тыс. молодых работников по сравнению с предшествующим пятнадцатилетием (1992–2007 гг.). Особо ощу-

тимые потери в предстоящем пятнадцатилетии в потенциальных работниках ожидаются на региональном рынке труда Свердловской области — ориентировочно 210 тыс. чел., Челябинской — 200 тыс. чел, Тюменской — 120 тыс. чел. [7].

Вместе с тем, острота проблем социально-экономического развития России (естественно, и Уральского региона) зависит не только от количественного дефицита человеческих ресурсов, то есть от их «демографического недопроизводства». На повестке дня — другая, не менее важная составляющая трудового потенциала — дефицит их качества. В каждый данный момент трудовой потенциал сохраняет качественно-количественную конкретность, то есть имеет определенную меру: человек, вступающий в общественное производство, располагает каким-то фондом трудового потенциала, устанавливает оптимальные пропорции его необходимого и рационального использования. «Мера необходимого развития трудового потенциала, — отмечает Н.И. Шаталова, — обуславливает сроки и систему подготовки специалиста, позволяет судить об этапах и фазах функционирования и развития, дает возможность измерять его с помощью традиционных социологических методов и т. п.» [8, с. 12].

Эмпирическая база

Ниже мы остановимся на некоторых деформациях в системе трудового воспитания молодежи, на тех «социально-педагогических гримасах», которые наглядно проявляются в среде молодых уральцев в процессе воспроизводства трудового потенциала молодежной части российского социума. В представленной статье использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам различных по возрасту категорий уральской молодежи (подростков, студентов, молодых семей), проведенных в 2007–2014 гг. в Институте экономики УрО РАН под научным руководством и при личном участии автора:

— 2007 г. «Урал-2007» — по представительной выборке в шести городах Свердловской и Челябинской областей по специальным анкетам опрошены 665 учащихся, 490 их родителей и 230 экспертов — специалистов учреждений, связанных с организацией социализационного процесса в молодежной среде. В числе опрошенных подростков 327, так называемых «благополучных», по оценкам учителей («Б») и 338 — «трудных»;

— 2009 г. «Урал-2009» — в 7 городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской

и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено пять категорий респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ — 900 чел.; б) учащиеся средних и старших классов сельских школ — 540 чел.; в) родители учащихся городских школ — 770 чел.; г) молодые рабочие (в возрасте до 25 лет) 32 городских предприятий Свердловской и Челябинской областей — 570 чел.;

— 2010 г. «Урал-2010» — опрос 680 студентов старших курсов Уральского федерального университета (УрФУ) на технических и гуманитарных факультетах. Предмет исследования — уровень и характер причастности молодых людей к религиозной культуре и влияние последней на социализацию молодых специалистов;

— 2012 г. «Урал-2012» — анкетный опрос по квотно-репрезентативной выборке 1000 студентов IV-V курсов 7 уральских вузов. Один из основных аспектов исследования — отношение будущих молодых специалистов к своей учебе, профессии, поведению в вузе и вне его (гг. Екатеринбург, Нижневартовск, Челябинск); б) опрос 250 преподавателей в тех же вузах по проблемам профессиональной подготовки и нравственно-этическому поведению студентов; в) с теми же лейтмотивами — опрос 600 молодых специалистов на предприятиях указанных городов; г) 150 руководителей предприятий, производств;

— 2013 г. «Урал-2013» — был проведен социологический опрос 510 учащихся средних и старших классов 15 общеобразовательных школ Кировского района г. Екатеринбурга, связанный с анализом процесса подготовки молодых горожан к будущей взрослой жизни (юноши — 46 %, девушки — 54 %);

— 2014 г. «Урал-2014» — по представительной выборке в Екатеринбурге и Челябинске нами были опрошены 150 экспертов по проблемам неблагополучного детства и девиантности поведения детей, подростков и молодых людей; в числе респондентов — опытные преподаватели СГПУ и ЧГПУ — 50 чел. («П»); опытные социальные педагоги ряда школ Екатеринбурга и Челябинска — 50 чел. («О»); специалисты в сфере обществоведения ряда институтов УрО РАН (г. Екатеринбург) — 50 чел. («Н»);

— 2014–2015 гг. «Урал-2015» — по квотной выборке в восьми институтах Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) проведены опросы 950 студенток старших курсов, готовящихся стать молодыми специалистами на предприятиях и в организациях Урала.

Профессионально-трудовая социализация

Двух-трех-кратное отставание России в уровне производительности труда от развитых капиталистических стран — следствие двух основных факторов: во-первых, сравнительно низкого уровня технико-технологической базы производства и, во-вторых, сравнительно низкого качества трудовых ресурсов. Среди важнейших индикаторов качества рабочей силы: профессионализм и компетентность, адаптационные возможности работников, трудолюбие, мотивация труда, чувство ответственности и разумные потребительские претензии к обществу.

Об изъянах трудового потенциала российской молодежи, вступающей и вступившей в общественное производство, свидетельствуют, например, такие факты.

Во-первых, многочисленные медико-биологические обследования показывают, что за последние десятилетия снижается доля подростков с нормальным физическим развитием. По данным, опубликованным в 2004 г., за предшествующее десятилетие в 1,5 раза увеличилось число школьников с дефицитом массы тела, частота выявляемых функциональных нарушений возросла почти на 20 %, более чем у 25 % школьников-подростков отмечается задержка полового созревания. В 17-летнем возрасте современные юноши имеют показатели мышечной силы на 18,5 % (на 10 кг), а девушки — на 21 % (на 7 кг) ниже, чем школьники 80-х гг. Около 40 % пополнения последних призывов в армию не могли выполнить нормативы по физической подготовке, 11,5 % имели дефицит массы тела [9, с. 314]. Следует иметь в виду, что эти данные характеризовали валеологическое состояние (самочувствие) российской школьной молодежи в начале XXI в. Сегодня, спустя десять лет, эти молодые люди (в соответствии с возрастным цензом) уже входят в костяк трудовых ресурсов России. Но насколько прочен этот костяк? [10, 11].

Во-вторых, в условиях современной российской экономики значительная часть молодых людей не могут реализоваться в профессиональной деятельности. По различным данным в настоящее время около 50–60 % россиян работают не по специальности, полученной «по диплому». Как следствие, несут существенные потери следующие сферы: а) профессиональная подготовка трудовых ресурсов — от траты «денег на ветер»; б) производство — от недостаточного уровня профессионализма персонала; в) индивидуально-семейная жизнь работника — от «неопределенности профессио-

нально-статусного положения» и «неудовлетворенности своей трудовой деятельностью».

В-третьих, наши многочисленные исследования последних 20–30 лет свидетельствуют о тревожности, с которой оценивают родители, педагоги и работодатели уровень трудолюбия, профессионализма, гражданской ответственности учащихся общеобразовательных и профессиональных учебных заведений, молодых специалистов с дипломами вузов, претендующих на занятие вакантных мест в реальном секторе экономики. В одном из наших опросов («Урал-2012») мы попросили уральских работодателей (в качестве экспертов) высказать свое мнение по поводу основных причин практически повального безответственного отношения молодых людей к получению своего профессионального образования. Вот их мнение (% от общего числа опрошенных — 150 чел.):

- студенты особо не задумываются о своей дальнейшей трудовой деятельности, о своей конкурентоспособности на рынке труда — 52;
- у работающих студентов существенно ограничены возможности для серьезных занятий в вузе — 33;
- молодые люди поддаются общему настроению — учиться без особого напряжения — 30;
- молодые люди не приучены к труду и трудностям — 29;
- отсутствие потребности получить серьезные профессиональные знания — 25;
- студенты надеются и после окончания вуза сидеть на шее родителей — 10.

Небезызвестный К. Прутков настоятельно советовал соотечественникам: «Зри в корень!». Попытаемся воспользоваться этим советом. Нам представляется, что ахиллесовой пятой современной системы воспроизводства трудового потенциала социума (на всех его территориально-поселенческих уровнях), формирования и использования трудовых ресурсов (в разрезе территориально-производственной структуры) выступает сегодня провал в сфере трудового воспитания молодых поколений россиян, подготовки их к труду в сфере общественного производства, другими словами, воспроизводства и использования трудового потенциала молодежи.

Реализация всех видов потенциалов человека (интеллектуального, биологического, духовно-нравственного), приобретаемых им в ходе социализации, происходит в процессе его трудовой (общественно полезной) деятельности. Преимущественно через сферу труда происходит вовлечение индивида в систему общественного разделения труда, достижение опре-

деленного социального статуса, уровня жизни и развитие личностных характеристик индивида. Качество трудовой жизни человека во многом определяется степенью его подготовленности к участию в трудовой деятельности и существующими в обществе условиями данного участия. «Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, — писал К.Д. Ушинский, — должно воспитывать его не для счастья, а приготавливать к труду жизни... Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни... Воспитание не только должно развить разум человека и дать ему известный объем сведений, но должно зажечь в нем жажду серьезного труда, без которой жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой» [12, с. 155].

Адаптация молодых россиян (в нашем случае — уральцев) к труду вообще и к труду в общественном производстве во многом детерминирована позициями родителей и подростков относительно их желания, ориентации и возможности совмещения учебы в школе и участия в производительном труде (в процессе зарабатывания денег). В связи с этим мы выяснили ценностные ориентации уральских родителей в отношении желаемого (допустимого) возраста вступления в трудовые отношения. По ассоциации вспоминается чеховский Ванька Жуков, которого отдали в ученье к сапожнику в 9 лет. Ответы на вопрос в анкетах для взрослых уральцев (родителей и экспертов — «Урал-2007») «Как Вы считаете, с какого класса могли бы зарабатывать на созданном специально для школьников предприятии учащиеся вашей школы? (отметьте наиболее ранний возраст — один вариант)» представлены в таблице 1 (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в числителе — ответы родителей — 490 чел., в знаменателе — 230 экспертов — чел.).

Полученные данные о желаемом возрасте приобщения детей к посильному производительному труду, по мнению уральских родителей и экспертов, свидетельствуют о следующем: каждый шестой-седьмой из двух групп респондентов (15–16 %) считает, что приобщать к серьезному труду детей можно с 6–7 класса. Каждый третий родитель (33 %) готов к привлечению своего сына (реже — дочь) с 8–9-го класса. Каждый четвертый родитель (24 %) и столько же экспертов (25 %) считают наиболее благоприятными для включения подростков в производительный труд — 9–11 классы. В первую очередь за такой щадящий возрастной ре-

Таблица 1

Ответы на вопрос в анкетах для взрослых уральцев (родителей и экспертов — «Урал-2007») «Как Вы считаете, с какого класса могли бы зарабатывать на созданном специально для школьников предприятии учащиеся вашей школы? (отметьте наиболее ранний возраст — один вариант)»

Вопрос	Ответ	% опрошенных
Обучаясь в каком классе, школьники могли бы начинать работать и зарабатывать собственные деньги?	в 3–5 классе	2 / —
	в 6–7 классе	13 / 16
	в 8–9 классе	33 / 40
	в 10 классе	17 / 18
	в 11 классе	7 / 7
	в школе дети (подростки) должны хорошо учиться, а работать и зарабатывать деньги они успеют после окончания учебы	28 / 19

жим трудового воспитания родители из семей, живущих «в полном достатке».

Вместе с тем, нельзя не видеть и другой подход к детской трудозанятости: 28 % родителей и 19 % организаторов школьного образования считают, что «в школе дети (подростки) должны хорошо учиться, а работать и зарабатывать деньги они успеют после окончания учебы». Не вдаваясь в полемику современников, хотелось бы напомнить известные слова К. Маркса: «При разумном общественном строе каждый ребенок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый взрослый трудоспособный человек, должен подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть, он должен работать, и работать не только головой, но и руками» [1, т. 16. с. 197].

В погоне за запретами наемного производительного труда (труда детей и подростков во взрослом производстве) и вредного для онтогенетического (физиологического) развития детского организма, его духовного развития, из купели вместе с водой выплеснули и младенца. Речь идет о практически тотальном сокращении, вернее, изъятии трудового воспитания учащейся молодежи из программ учреждений общего и профессионального образования. Закрепляет и способствует «нетрудовому воспитанию» принятый в конце декабря 2012 г. и ныне действующий Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Одно лишь тому подтверждение: в Законе на более чем 150 страницах плотного текста, в 111 со-

держательных статьях мы ни разу не встретим словосочетания «трудовое воспитание»¹. Не нашлось места, или это своеобразная кардинальная инновация в сфере российской молодежной политики?

Попытаемся ответить на вопрос, в какой мере сегодня родительские семьи зажигают в детях жажду серьезного труда. Начнем с детского труда по самообслуживанию. Было бы неверно оценивать степень деятельности включения детей в домашний труд лишь с позиции их утилитарной готовности к самообслуживанию в сфере потребительской деятельности семейной группы. Трудовые навыки в том или ином виде домашнего труда, постоянная приобщенность к нему — это одновременно и свидетельство общей трудовой социализации ребенка (молодого человека), выработки у него не только общетрудовых качеств — трудолюбия, целеустремленности, выносливости, ловкости, и личностных — умения сочетать личные, групповые и общественные интересы, уважительного отношения к материальным ценностям, к труду, чувства ответственности за свое поведение, доброты, сочувствия и соучастия и т. д.

Взрослая жизнь — это не только возрастной период, но и участие в труде и выполнение семейных обязанностей. Однако без надлежащей подготовки к взрослой жизни, в том числе семейной, или же если сформировавшиеся позиции или модели поведения молодежи не могут быть адаптированы к изменяющимся социальным условиям, период юности может стать временем утраченных возможностей и повышенного с медицинской точки зрения риска. На вопрос нашим респондентам — учащимся сельской местности («Урал-2009») «Умеете ли Вы выполнять (более или менее сносно) следующие работы?» нами были получены следующие признания: 47 % современных 16–17-летних сельских девушек (заметим, в недалеком будущем — жен, матерей) умеют «варить борщи, супы», 40 % — «стряпать пироги», 17 % — заготавливать варенья, соленья. Хорошо это или плохо? Да скорее всего, хорошо для семей их родителей и для будущих их собственных семей. Но посмотрим на эти цифры с другой стороны. По самооценкам наших молодых респондентов-селянок, к 10–11-му классу 53 % от общего числа опрошенных — «не научи-

лись» варить борщ, 60 % — стряпать пироги и 83 % не умеют заготавливать варенья, соленья. Заметим, что речь шла не о городских девушках, максимально «приближенных» к услугам общепита, а о селянках, приближенных к земле, к натуральному хозяйствованию.

В процессе социализации и социальной адаптации личность становится, по выражению Л.Н. Когана, «ареной борьбы противоположных, разновекторных культур, от ее культурного выбора зависит ее духовный мир и социальная позиция». Можно сказать, что каждая социокультурная ориентация есть состоявшийся выбор той или иной культуры, ее ценностей, стереотипов и традиций, которые «являются устойчивыми требованиями социальной общности к качеству деятельности и поведению ее членов» [13, с. 9–10].

«Интеллектуализм» современного подростка (как городского, так и сельского), большой объем усвоенных им знаний нередко достигаются ценою полного освобождения его от трудовых обязанностей в семье и в процессе школьной учебы. А между тем, проблема трудового воспитания органически связана с формированием социальной зрелости подростка, далеко не синхронной с ускорением физического развития и насыщением информацией. И здесь на первое место выступает трудовое воспитание, способствующее формированию уважительного отношения к материальным ценностям, к труду, воспитанию чувства долга и ответственности перед собой и окружающими.

Как показал опрос «Урал-2013», «особо не перерабатывают» в домашнем хозяйстве и городские подростки на Урале. На вопрос анкеты «Какую работу по дому и саду ты выполняешь регулярно (более или менее постоянно)?» ответы учащихся школ двух уральских городов распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных в по каждому городу; в числителе — ответы респондентов из г. Екатеринбурга (510 чел.), в знаменателе — из ЗАТО Лесной (300 чел.):

- а) выполнение работ в квартире
 - убираю пыль пылесосом — 67 / 64;
 - мою, чищу посуду — 65 / 66;
 - регулярно хожу в магазин за продуктами — 49 / 51;
 - делаю влажную уборку, мою полы — 46 / 46;
 - готовлю еду (суп, второе блюдо) — 32 / 32;
 - глажу белье — 27 / 28.
- б) выполнение работ в саду, в огороде:
 - поливаю овощи, цветы, ягоды — 51 / 39;

¹ Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон. Принят Государственной Думой 21 дек. 2012 г. Одобрен Советом Федерации 26 дек. 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA> (дата обращения: 4.1.13).

— собираю «трудоемкие» ягоды (облепиху, смородину и др.) — 37 / 33;

— пропалываю грядки — 33 / 26;

— копаю землю, грядки — 27 / 23;

— топлю печь (в доме, в бане) — 21 / 17;

— отвечаю за приготовление еды — 13 / 13.

в) работы, которые выполняют или дома, или в саду:

— ухаживаю за домашней живностью (собакой, кошкой и др.) — 59 / 55;

— помогаю в ремонтных работах по дому, саду — 35 / 36;

— ухаживаю за младшими братьями, сестрами — 32 / 33;

— ухаживаю за пожилыми родственниками (бабушкой) — 22 / 19;

— высаживаю (ухаживаю) рассаду, цветы — 17 / 15;

— ухаживаю за автомобилем, мотоциклом — 12 / 10.

Своеобразный «сельский синдром» имеет свой антипод — «городской синдром», с менее ощутимым для человека, но социально столь же, и даже более негативными чертами-симптомами. Прежде всего, речь идет о соблазнах тунеядства, провоцируемого реальными возможностями прожить в городе (прежде всего, в крупном городе), месяцами и годами (в принципе даже всю жизнь), не занимаясь никаким трудом. Это ведет к прямому моральному разложению если не родителей, то наверняка их детей. Свой вклад в отчуждение горожанина от трудовой активности вносит возможность бытового потребительства, то есть полной ориентации во всех житейских мелочах только на сферу обслуживания. В результате появляются целые поколения инфантилов, неспособных к элементарному самообслуживанию, с соответствующими сдвигами в психике [14].

По мнению О.Н. Яницкого, дезинтеграция советского государства, общества сопровождалась выделением гигантских масс энергии распада. Эта энергия — массовые действия, разрушающие социальный порядок, его нормативно-ценностную и институциональную структуры. Выделение энергии распада — это актуализация социального риска в форме неконтролируемых действий атомизированных (или политически сконструированных) социальных акторов. Эта энергия эмпирически существует в форме потоков вынужденных переселенцев, беженцев, бездомных, безработных, действий неопознанных вооруженных формирований, носителей афганского, чеченского и других синдромов, выступает в форме межэтнических конфликтов, локальных войн, кри-

минальных разборок, заказных убийств и массового терроризма [15].

По мере углубления реформ, как отмечает московский социолог, два процесса развивались параллельно: сбросы рисков в социальную среду росли, а ее несущая способность вследствие интенсивной эксплуатации ее ресурсов и отсутствия средств для ее воспроизводства истощалась. В конце концов, эта среда, состоявшая из множества хрупких микромиров межперсональных общностей, идентификаций и солидарностей, соединенных паутиной слабых взаимодействий, рухнула под напором этих процессов.

Прежде всего, социальная среда перестала играть роль поглотителя рисков. Напротив, интенсивно атомизируясь, она стала источать их во всевозрастающих масштабах. Далее, атомизированная среда явилась ресурсом для быстрого распространения влияния старых и формирования новых рискогенных солидарностей (теневых, криминальных и других патогенных структур). К тому же, эти асоциальные структуры, используя ресурсы, полученные от конвертирования власти в собственность, стали подчинять своим интересам креативные общности и солидарности, сохранившиеся от прежних времен.

В число наиболее острых социальных проблем входит проблема обеспечения стабильности и безопасности формирования генотипа личности, вбирающей в себя приемлемые черты работника, гражданина, семьянина. «Парадоксальным кажется мне, — пишет известный московский социолог И.М. Ильинский, — совершенно незначительное любопытство человека к самому себе в сравнении с его страстным стремлением познать окружающий мир. В результате невероятные средства уходят на изучение космических далей, земных ширей и океанских глубин и хронически не хватает денег на то, чтобы поскорее изжить социальные язвы, заставляющие миллиарды людей, по сути дела, и не жить, а мучиться и страдать от жизни. Разумеется, я вовсе не считаю, что внешний мир изучать не следует. Конечно же, необходимо. Странной мне кажется эта несоизмеримость» [16, с. 29].

Проблема институциональной неопределенности в основной сфере жизнедеятельности — трудовой — ведет к социальной дезорганизации, поиску альтернативных форм трудоустройства и жизнеобеспечения. В условиях социального хаоса основой самоорганизации общества становятся не институциональные структуры, не организации, то есть не ис-

Таблица 2
Прожективные намерения родителей и их сыновей-подростков относительно возможности «работы» в криминальных группировках, % от общего числа опрошенных по каждой группе

Отношение к возможности «работать» в криминале	Группы		
	Родители		Подростки-юноши
	отцы	матери	
Это для меня (для нас) неприемлемо	74	73	73
Если жизнь прижмет, то можно этим заняться	7	1	22
Сегодня это вполне нормальный способ зарабатывать деньги	3	2	5
Не ответили на вопрос	16	24	—

кусственно созданные носители социальности, а семейные связи, малые контактные группы, т. е. прирожденные, изначально данные структуры. Небезынтересным в связи с этим для социолога представляется выявление отношения населения, в частности молодежи, к правомочности деятельности криминальных образований. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к возможной перспективе „работы“ Вашего сына (дочери) в криминальных группировках?» опрошенных родителей и их детей-подростков («Урал-2008») представлено в таблице 2.

Как показал опрос, четкую позицию «Это для меня (для нас) неприемлемо» высказали только 73–74 % респондентов. А 27 % подростков допускают для себя возможность взять в руки оружие и с его помощью добывать средства для пропитания.

Зададимся вопросом, насколько сопрягаются в потребительской деятельности молодых россиян их все расширяющиеся потребности, с одной стороны, и возможности удовлетворения последних — с другой. Один из аспектов проблемы бедности и богатства следует отнести к разряду наиболее объективных. Он объясняется нарастающим родительским альтруизмом в пользу детей. Наши многочисленные опросы на Урале свидетельствуют, что средние и старшие поколения уральцев (в нашем случае — родители взрослеющих детей) материально живут более скромно и, по нашему мнению, более адекватно оценивают уровень благосостояния своих семей, чем их сыновья и дочери (учащиеся школ, студенты). Традиционно молодежь относят к слабозащищенной части общества. Социалистический лозунг «Все лучшее детям», при всем его фактическом соци-

альном лицемерии, призывал к смягчению социального неравенства между двумя основными потребительскими группами населения: работающими и неработающими. В состав второй группы, помимо еще неработающих детей, школьников и студентов, входила и группа уже не работающих пенсионеров.

Адаптация к труду в сфере общественного производства

За последние пару десятилетий в силу происшедшей существенной трансформации экономических и имущественных отношений поколений отцов и детей на уровне семейной общности, состояние социальной незащитности молодежи на наших глазах изменяется на противоположное. Речь идет о формировании воинствующей потребительской психологии значительной (если не большей) части молодых людей, в первую очередь, школьников и студентов. На вопрос «Кто несет (нес в прошлом) основные расходы на Ваше обучение и содержание (питание, одежда, хобби и др. расходы)?» уральские студенты («Урал-2012») ответили так (% от общего числа опрошенных по каждому вузу; в порядке очередности ответы студентов Уральского федерального университета (УрФУ), Уральского государственного университета путей сообщения (УрГУПС); Нижневартовского государственного гуманитарного университета (НГГУ) и др.):

- по преимуществу за все платят (платили) родители 51 / 59 / 60;
- часть расходов родители, часть сам респондент 37 / 26 / 25;
- за учебу и свое содержание я плачу сам (а) 9 / 11 / 15;
- другой вариант 3 / 4 / —.

«Ну и что в этом плохого? — возразят многие. — На то они и родители, чтобы заботиться о будущем своих детей... дать им образование... вывести в люди». Трудно не согласиться с такой логикой. Однако забота родителей о профессиональной социализации своих сыновей и дочерей должна предполагать, очевидно, не только формирование чувства духовной благодарности детей своим родителям [17].

Заметим, кстати, что в режиме «сидя на шее родителей» высшее образование на Урале получают сегодня (и получили в недавнем прошлом) более 50–70 % студентов. Прожективный вариант дальнейшего жизнеобеспечения нерадивых студентов продолжать использовать все ту же «шею родителей», по оценкам экспертов (см. выше), набрал всего 10 %. По мнению экспертов, в жизненных планах предусматрива-

ется переориентация «с родительской шеи» на «шею государства», расчет на благотворительность успешно работающей и «хорошо платящей деньги» трудовой ассоциации, на доброты-работодателя. Для молодых женщин с вузовским дипломом — это, помимо всего, стремление и возможность «занять вакансию» жены в семье успешно зарабатывающего деньги мужа-предпринимателя.

Как подчеркивают многие российские социологи, у современных молодых людей, вступающих в общественное производство, более заметной стала тенденция инструментализации мотивации труда. Отношение к труду как самоценности (с точки зрения его содержания) вытесняется в сознании молодежи оценкой смысла труда преимущественно как средства достижения других, более прагматических целей. У молодых россиян слабо развивается комплекс таких ценностей, как мастерство, добросовестность, ответственность, честность, бережливость, самоотдача, во многом характерный для западной трудовой этики. Подтвердим это данными опроса «Урал-2015».

Первый вопрос был нацелен на выяснение ценностных ориентаций в выборе характеристик будущего рабочего места и формулировался так: «Из приведенного ниже списка выберите, пожалуйста, наиболее привлекательные для Вас характеристики работы (рабочего места). Отметьте не более 7–8 характеристик». На этот вопрос ответы респондентов распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных в 2015 г. — 450 чел.):

Какие характеристики работы особо значимы для респондентов:

- хорошо платят, ценят труд работника — 57;
- с удобным графиком работы — 54;
- есть условия для карьерного роста — 50;
- творческая, не рутинная — 47;
- высококвалифицированная — 43;
- по специальности — 41;
- в хорошем коллективе — 36.

Какие характеристики работы не имеют особого значения для респондентов:

- без командировок — 73;
- недалеко от дома — 73;
- без тяжелых физических нагрузок — 82;
- можно учиться дальше без отрыва от производства — 84;
- на безвредном для здоровья производстве — 84;
- можно заработать на жилье — 85;
- не сокращают рабочие места, не увольняют работников — 87;

- только в помещении — 91;
- только в своем городе, поселке — 97;
- можно получить место в детском саду — 98;
- на государственном предприятии — 99.

Второй вопрос: «Оцените, пожалуйста, какой величины должен быть сегодня среднемесячный заработок у молодого инженера-женщины в первые годы работы, чтобы жить более или менее нормально (содержать семью, воспитывать детей)». Вот какую прожективную ежемесячную заработную плату «начислили бы себе» наши студентки (% от общего числа опрошенных в 2015 г. — 450 чел.)

- не менее 20 тыс. руб. — 9;
- от 21 до 30 тыс. руб. — 25;
- от 31 до 40 тыс. руб. — 34;
- от 41 до 50 тыс. руб. — 13;
- свыше 51 тыс. руб. — 16;
- затруднились ответить — 3.

Из ответов на эти два вопроса можно сделать по крайней мере три важных вывода:

— во-первых, запросы подавляющего большинства студентов в части качества и привлекательности возможных будущих мест приложения своего труда несоизмеримы с реальными предложениями на региональных рынках труда;

— во-вторых, прожективный уровень заработной платы молодых специалистов-женщин весьма далек от реального уровня оплаты труда на большинстве уральских предприятий;

— в-третьих, (как следствие первых двух социально-экономических заблуждений студентов), весьма возможны их разочарования после окончания вуза.

Социально-поселенческая ассимиляция

Город всегда притягивал к себе население деревень, хуторов, небольших городов, сел, что обусловлено развитием промышленности, более широким выбором сфер приложения труда, более высоким уровнем благоустройства, набором коммунальных и культурных услуг, нежеланием заниматься тяжелым сельскохозяйственным трудом и т. п.

Все это сформировало основное направление миграционных потоков населения из сельских поселений в городские. Появление платного высшего образования существенно деформировало совокупность тех факторов, которые определяют поступление выпускников сельских школ в вузы. Решена проблема преодоления конкурсного барьера. Возможность учиться в вузе получил выпускник с любым уровнем овладения школьной программой,

если его родители могли в течение 5 лет содержать ребенка в городе, где расположен вуз, оплачивать его учебу, а сам ребенок не ленится посещать занятия и приходить на экзамены. Нужна лишь элементарная дисциплинированность студента, и диплом о высшем образовании им будет получен. Поскольку престиж высшего образования сохраняется во всех цивилизованных странах, так как это открывает путь к карьерному росту, то многие семьи ограничивают свои потребности ради обучения детей на коммерческой основе в различных вузах, их филиалах, появившихся даже в сравнительно небольших городах страны. Студент перестал восприниматься как человек, который благодаря своему усердию, знаниям, способностям сумел показать высшие результаты при сдаче вступительных экзаменов и имеет все задатки, чтобы стать высококвалифицированным специалистом после окончания вуза.

Обозначенная ситуация с социально-поселенческой ассимиляцией сельской молодежи в городах тесно сопряжена не только с решением социокультурных задач стратегического развития российского социума. Тот или иной поворот в их решении непосредственно отражается на состоянии экономики, благосостоянии населения, в первую очередь, на решении проблем обеспечения продовольственной безопасности. Российскому обществу не столь отдаленной перспективе предстоит отвечать на вопросы, кто и как будет обрабатывать российскую «землю-кормилицу», кто и как будет выращивать скот и птицу для будущих шашлыков и гамбургеров, как и чем заинтересовать (заметим, не заставить) сельского юношу или девушку, чтобы они пренебрегли манящими огнями города и остались жить и работать на малой родине своих отцов? И, наконец, как и чем мотивировать городскую молодежь к воспроизводству привлекательных сторон сельского образа жизни? Привлекательных не только с позиций обеспечения сытного стола, но и в отношении сохранения своего физического и нравственного здоровья, ведения здорового образа жизни в целом. Каково состояние этой проблемы на Урале?

Известно, что город всегда притягивал к себе население деревень, хуторов, небольших городов, сел, что обусловлено рядом причин: а) возможностью получить «престижное» и «денежное» образование; б) более широким выбором сфер приложения труда; в) более высоким уровнем благоустройства; г) набором коммунальных и культурных услуг; д) возможностью не заниматься тяжелым сельскохозяйствен-

ным трудом. Все это сформировало и воспроизводит основное направление миграционных потоков населения из сельских поселений — в городские, из малых городов — в большие и более крупные [18].

Давайте попытаемся ответить на вопрос: насколько идентичны интересы сельской родительской семьи и государства в формировании и реализации жизненных планов учащихся сельских школ? Подавляющая часть родителей стремится выучить и поселить своих детей в городе, подальше от села. В свою очередь, государство (если отбросить красивые слова), испытывая острый дефицит рабочих рук в сельскохозяйственном производстве, заинтересовано, наоборот, в «закреплении» жителей села (как самих родителей и их детей) по месту их рождения. Отсюда — возникновение и наличие «объективных» препятствий с переселением сельской молодежи в города: ограничением с пропиской, трудности с жильем, неподъемные расходы на обучение «городским профессиям» [19].

Появление платного высшего образования существенно деформировало совокупность тех факторов, которые определяют поступление выпускников сельских (и не только сельских) школ в вузы. При этом родительские деньги решают и проблему преодоления конкурсного барьера, оплаты за обучение, содержания и досуга занятия детей-студентов в городе, вдали от родного крова. Получение диплома с городской профессией и пятилетний городской образ жизни выходцев из села (ощущение вкуса красивой жизни) еще более актуализируют их стремление закрепиться в городе, приблизиться к тем социальным благам, которых сегодня нет (и неизвестно когда будут) на их сельской малой родине.

В основе такого стремления селян лежат их материальные и, особенно, духовные потребности и интересы, (практически идентичные с потребностями городских сверстников), о которых шла речь в начале статьи.

Сегодня нередко высказывается мнение о том, что решать проблему трудовых ресурсов российского села можно, во-первых, за счет привлечения трудовых мигрантов (в частности, из стран СНГ) и, во-вторых, за счет использования избытка трудовых ресурсов городов [20].

Не останавливаясь на анализе неприемлемости (по твердому убеждению автора) первого варианта решения проблемы (да это и не входит в задачу нашей статьи), ознакомим читателя с имеющимися у нас данными, касаю-

щимися второго варианта решения проблемы. Зададимся вопросом: стоит ли уральским селам ждать молодые кадры специалистов из города? В нашем исследовании «Урал-2013» школьникам в двух уральских городах мы задаем два вопроса, касающиеся их проективного выбора характера дальнейшей профессиональной деятельности: Первый: «На кого ты хотел бы учиться после школы? (Выбери не более пяти вариантов ответов)» и второй: «Какую профессию тебе советуют выбрать родители?». В анкете среди 40 профессий, из которых респондентам предлагалось выбрать свою, были три «чисто сельские»: ветеринар, зоотехник и агроном. Вот сколько голосов набрали эти профессии (% от общего числа опрошенных по каждому городу; в числителе — ответы респондентов из г. Екатеринбурга (510 чел.), в знаменателе — из ЗАТО Лесной (300 чел.)):

Сельские профессии	Выбрал сам	Совет родителей
Ветеринар	6,2 / 6,7	3,6 / 4,6
Зоотехник	2,1 / 2,1	1,8 / 1,8
Агроном	1,1 / 1,8	0,3 (1 чел.) / 0,0

Нетрудно увидеть, что наименьшей популярностью среди родителей и их взрослеющих детей на Урале пользуется профессия агронома. Несколько большую ориентацию городских школьников на такую традиционно сельскую профессию, как зоотехник, мы связываем, прежде всего, с востребованностью этих специалистов в городе для лечения домашних животных, в первую очередь, собак и кошек.

Сущность инновационной стратегии развития села состоит в предвидении изменений не только (и не столько) его товарно-производительной деятельности, выработке решений, обеспечивающих гармоничное и устойчивое развитие этого жизненно важного воспроизводственного процесса. Стратегия должна представить желаемую трансформацию всех сфер общественной жизни сельского социума, его взаимосвязь с городом, городским образом жизни. «Важная задача, — отмечается в президентском послании Федеральному собранию (12 декабря 2013 г.) — повысить привлекательность сельских территорий для жизни и работы... На первый план выходит задача закрепления людей на селе, формирования современной, комфортной инфраструктуры в сельских территориях»¹.

¹ Ежегодное послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию 12 декабря 2013 г. [Электронный

Как известно, в XX столетии появилось и получило распространение учение о ноосфере — оболочке Земли, формируемой разумом человека на основе биосферы (сферы жизни). В начале III тысячелетия внимание исследователей, изучающих глобальные проблемы современности, обратилось к поиску путей выхода из глобальных кризисов. Сохранение мира живого, тех, кого С. Есенин очень точно обозначил как «братьев наших меньших», — это сегодня нравственный долг человечества, повинного в разрушительных последствиях своего воздействия на природную среду. Речь идет о патернализме человека над исчезающими видами животного и растительного мира.

Возьмем на себя смелость, по ассоциации, сравнить отношения крупных городов (в первую очередь, городов-миллионников) и многочисленных мелких городов и сельских поселений как отношения старших братьев с младшими в развитии урбанистической культуры России. А итоги этих отношений не радуют. За последние десятилетия с карты РФ исчезли десятки тысяч сел, деревень, мелких городов. В «Красную книгу поселений» необходимо вносить еще тысячи ранее процветавших, а ныне стагнирующих городов, рабочих поселков, крупных поселений. Заметим, что процесс угасания одних поселений идет, в подавляющем большинстве своем, на фоне стремительного роста и благоустройства незначительного числа крупных и крупнейших городов. Как правило, это административные центры регионов. Примером тому может служить растущий и «хорошеющий на глазах» г. Екатеринбург на фоне большинства «худеющих» городов и сел Свердловской области.

Заключение

Не вдаваясь подробно в обозначенную проблему (заслуживающую особого исследования), выскажем свое предложение относительно составления и реализации стратегических планов развития таких «успешных» городов. Нарастивая свою красоту, фешенебельность, силу и инвестиционную привлекательность, они не должны забывать о глубинных корнях-источниках такого «всплеска» развития. Другими словами, речь идет о воссоздании своеобразного института урбанистического патернализма, то есть, заботы и непреложной ответственности больших городов за «социально-экономическое здоровье» и достойное выживание окружающих их селитеб-

ресурц]. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/12/poslanie.html>.

Таблица 3

Мнения уральских экспертов об основных причинах неэффективности российского законодательства, направленного на регулирование социальной и молодежной политики (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Причины «пробуксовки» законодательства	Группы			
	В целом	В том числе по сферам		
		опытные преподаватели СГПУ и ЧГПУ	опытные социальные педагоги ряда школ Екатеринбурга и Челябинска	специалисты в сфере обществоведения ряда институтов УрО РАН (г. Екатеринбург)
Резкое социально-экономическое расслоение населения	55	52	50	64
Безразличие, незаинтересованность структур управления в эффективном решении проблем семьи и детства	53	52	46	60
Бюрократизм, коррумпированность сферы управления учреждениями семьи и детства	45	38	46	50
Низкая правовая культура и общественная активность населения	44	54	46	32
«Застойность» форм и методов работы государства и общест­венности с «семьями риска»	42	40	48	38
Несовершенство правовой базы	38	44	44	26
Недостаток квалифицированных кадров воспитателей, наставников, социальных работников	37	28	44	40
Слабая материально-финансовая база детских учреждений (детских домов, детских учреждений культуры, спорта и т. д.)	33	36	34	30
Низкая исполнительская культура и дисциплина чиновников в органах управления и исполнения	33	38	26	34
Социально-психологические трудности работы с неблагополучными семьями и с детьми-девиантами	33	34	34	30
Негативное общественное мнение в отношении помощи неблагополучным семьям, бомжам, беспризорникам	19	10	30	16

ных территорий. В народе есть поговорка: «Не руби сук, на котором сидишь».

И в заключение статьи еще один немаловажный аспект проблемы. Приоритетными сферами социальной защиты и адаптации молодежи в условиях социальных изменений в современном российском обществе, в том числе в городах и поселениях Урала и Сибири, являются сферы профессиональной занятости, ориентации и образования. Они во многом за-

висят не от молодежи, а от общества, государства, региональных (муниципальных) властных структур. Именно здесь, по нашему мнению, необходимо искать наиболее важные основания для построения всей системы социальной защиты российской молодежи. Без них немислимо решение всех других ее социальных проблем, включая жилищную, досуговую, семейно-брачную и иные. Вместе с тем, не секрет, что в настоящее время многие законода-

тельные инициативы, государственные акции, направленные на решение проблем семьи и детства, проблем молодежной политики, мягко говоря, пробуксовывают, не работают на региональном и муниципальном уровнях. В рамках исследования «Урал-2014» мы просили экспертов ответить на вопрос: «Как Вы считаете, какие основные причины подобного рассогласования, с одной стороны, требований верхов и неадекватной реакции на них со стороны «низов управления»?». Полученные нами данные приведены в таблице 3.

Положение молодежи, ее поведение не могут быть улучшены, если пытаться решать эту проблему вне контекста общих проблем того или иного социума. Нынешний кризис носит

не временный характер, он отражает тенденции, которые зародились в прошлом и продолжатся в будущем. Поэтому их решение может быть достигнуто лишь в общенациональном контексте на долгосрочной основе при полном осознании теснейшей зависимости и взаимозависимости экономических реформ и эффективной социальной (в том числе молодежной) политики. При этом, как отмечал замечательный российский педагог К.Д. Ушинский, «возбуждение общественного мнения в деле воспитания есть единственно прочная основа всяких улучшений по этой части: где нет общественного мнения о воспитании, там нет и общественного воспитания, хотя может быть множество общественных заведений» [12, с. 284].

Благодарность

Исследование проводилось при финансовой поддержке РГНФ, проект №13-02-00264а «Синергетическая диагностика критических явлений в экономике регионов Российской Федерации».

Список источников

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : 2-е изд. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
2. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993.
3. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity, 1994.
4. Яницкий О. Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива — М.: Новый хронограф, 2013. — 360 с.
5. Лебедева Л. Ф., Емельянов Е. В. Формирование трудового потенциала в США // Россия и Америка в XXI веке. — 2010. — № 1. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id>.
6. Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. — М.: Голос, 2001. — 696 с.
7. Павлов Б. С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе. Теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа. На примере Урала. — Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2014. — 575 с.
8. Шаталова Н. И. Теоретико-методологические проблемы социологического изучения трудового потенциала работника: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. — Екатеринбург, 1999. — 40 с.
9. Ювенология и ювенальная политика в XXI веке. Опыт комплексного междисциплинарного исследования / Под ред. Е. Г. Слущкого. — СПб.: Знание, 2004. — 734 с.
10. Кислицына О. А. Здоровье детей-богатство нации. Тенденции, факторы риска, стратегии сбережения. — М.: МАКС Пресс, 2011. — 268 с.
11. Pavlov B. S. The Phenomenons of «Health» and «Physical Culture» in the Social Consciousness of Ural Youth. Eastern European Scientific Journal. 2014. No № 4. P. 40-44.
12. Ушинский К. Д. Избранные педагогические произведения. — М.: Мысль, 1968. — 360 с.
13. Коган Л. Н. Социология культуры. — Екатеринбург: УрГУ, 1992. — 120 с.
14. Файзуллин Ф. С., Яппарова Р. Р. Социальные различия в качестве жизни населения крупного города. — Уфа: АН РБ, Гилем, 2010. — 156 с.
15. Яницкий О. Н. «Критический случай». Социальный порядок в «обществе риска» // Социологическое обозрение. — 2002. — Т. 2. — № 2. — С. 85-98.
16. Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. — М.: Голос, 2006. — 696 с.
17. Зборовский Г. Е. Знание и образование в социологии. Теория и реальность. — Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2013. — 484 с.
18. Головин В. В., Лурье М. Л. Идеологические и территориальные сообщества молодежи. Мегapolis, провинциальный город, село // Этнографическое обозрение. — 2008. — № 1. — С. 56-70.
19. Великий П. П., Бочарова Е. В. Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы // Социологические исследования. — 2012. — № 1. — С. 126-133.
20. Хазуров А. А. Социология российского села : 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ИС РАН, 2012. — 390 с.

Информация об авторе

Павлов Борис Сергеевич — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: pavlov_boris@mail.ru).

For citation: *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. — 2015 — №3. — pp. 134-148

B. S. Pavlov

Transformation of Young People's Attitude Toward Work in the Old Industrial Region: Ontogenetic Aspect

The article emphasizes that for the countries facing the crisis of natural reproduction of human resources, the improvement of their quality is the only option for economic growth policy. According to the author's opinion, the Achilles heel of the modern system of the labor potential reproduction of society (at all its territorial and settlement levels), of the development and the utilization of human resources is a failure in the field of working education for Russian young generations at the stage of general education and professional socialization.

Working activity for the developing child's personality is necessary, irreplaceable attribute of socialization. The article presents the idea that early adult students (students in the later years of high school or the early years of higher education) should participate in adequate socially useful work, which should not be limited only to the pedagogic issues. As the young people get older, not only the potential ability to work should grow. The author believes that child labor (and the following working education) in modern Russia is reduced to the rank of "outside the pedagogical law".

On the basis of statistical data, the author demonstrates that the socio-economic behavior of the overwhelming majority of the early adult students of the Ural region are mainly geared toward a leisurely consumerist lifestyle. In particular, the attention is focused on the development and strengthening of the selfish behavior of students, ignoring the limited financial resources of their parents, sponsoring their studies at the institute of higher education.

The particular attention is paid to the issues of the social and settlement assimilation of the young people in the Ural region. It is shown that the village youth learn the deviant subculture of urban youth, which has a significant impact on the process of destabilization of the basis of rural way of life.

The findings and suggestions of the article are based on the results of a number of comprehensive sociological research conducted in 2003-2014 in urban and rural areas of the Ural region under the supervision and with the direct participation of the author.

Keywords: young people, reproduction, employment potential, socialization, working education, family parent, child labor, health, leisure lifestyle, social deviation, consumerism

Acknowledgment

The research is supported by the Russian Foundation for Humanities, the project No. 13-02-00264a "Synergetic diagnostics of the crisis phenomena in economy of regions of the Russian Federation".

References

1. Marx, K. & Engels, F. (1995). *Sochineniya: 2-e izd [Works: 2nd ed.]*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literaturny Publ.
2. Luhmann, N. (1993). *Risk: A Sociological Theory*. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 18.
3. Giddens, A. (1994). *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity, 91.
4. Yanitskiy, O. N. (2013). *Sotsialnyye dvizheniya: teoriya, praktika, perspektivy [Social movements: theory, practice, prospects]*. Moscow: Novyy khronograf Publ., 360.
5. Lebedeva, L. F. & Emelyanov, E. V. (2010). *Formirovaniye trudovogo potentsiala v SShA [Development of labor potential in the USA]*. Rossiya i Amerika v XXI veke [Russia and America in the 21st century], 1. Available at: <http://www.rusus.ru/?act=read&id>.
6. Ilinskiy, I. M. (2001). *Molodezh i molodezhnaya politika. Filosofiya. Istoriya. Teoriya [The youth and youth policy. Philosophy. History. Theory]*. Moscow: Golos Publ., 696.
7. Pavlov, B. S. (2014). *Vosproizvodstvo chelovecheskogo potentsiala v regione. Teoreticheskie i metodicheskie aspekty sotsialno-ekonomicheskogo analiza. Na primere Urala [Reproduction of human potential in a region. Theoretical and methodical aspects of the socio-economic analysis. On the example of the Ural region]*. Ekaterinburg: In-t ekonomiki UrO RAN Publ., 575.
8. Shatalova, N. I. (1999). *Teoretiko-metodologicheskie problemy sotsiologicheskogo izucheniya trudovogo potentsiala rabotnika: avtoref. dis. d-ra sotsiol. nauk. [Theoretical and methodological issues of sociological studying of employee's labour potential: published summary of a Doctoral thesis]*. Ekaterinburg, 40.
9. Slutskiy, E. G. (Ed.). (2004). *Yuvenologiya i yuvenalnaya politika v XXI veke. Opyt kompleksnogo mezhdistitsiplinarnogo issledovaniya [Youth studies and juvenile policy in the 21st century. Experience of integrated interdisciplinary research]*. St. Petersburg: Znanie Publ., 734.
10. Kislitsyna, O. A. (2011). *Zdorovye detey — bogatstvo natsii. Tendentsii, faktory riska, strategii sberezheniya [The health of children is the wealth of the nation. Tendencies, risk factors, saving strategy]*. Moscow: MAKS Press Publ., 268.
11. Pavlov, B. S. (2014). The Phenomenons of "Health" and "Physical Culture" in the Social Consciousness of Ural Youth. *Eastern European Scientific Journal*, 4, 40-44.
12. Ushinskiy, K. D. (1968). *Izbrannyye pedagogicheskie proizvedeniya [Selected pedagogical works]*. Moscow: Mysl Publ., 360.
13. Kogan, L. N. (1992). *Sotsiologiya kultury [Sociology of culture]*. Ekaterinburg: UrGU Publ., 120.
14. Fayzullin, F. S. & Yapparova, R. R. (2010). *Sotsialnye razlichiya v kachestve zhizni naseleniya krupnogo goroda [Social differences in the quality of life of the population of the major city.]*. Ufa: Gilem Publ., 156.
15. Yanitskiy, O. N. (2002). «Kriticheskiy sluchay». *Sotsialnyy poryadok v "obshchestve riska" ["Critical case". A social order in "risk society"]*. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological review]*, 2(2), 85-98.
16. Ilinskiy, I. M. (2006). *Molodezh i molodezhnaya politika. Filosofiya. Istoriya. Teoriya [The youth and youth policy. Philosophy. History. Theory]*. Moscow: Golos Publ., 696.

17. Zborovskiy, G. E. (2013). *Znanie i obrazovanie v sotsiologii. Teoriya i realnost [Knowledge and education in sociology. Theory and reality]*. Ekaterinburg: Gumanitarnyy universitet Publ., 484.

18. Golovin, V. V. & Lurye, M. L. (2008). Ideologicheskie i territorialnyye soobshchestva molodezhi. Megapolis, provintsialnyy gorod, selo [Ideological and territorial communities of youth. Megalopolis, town, village]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]*, 1, 56-70.

19. Velikiy, P. P. & Bocharova, E. V. (2012). Raskrestyanivanie kak indikator destruktivnoy transformatsii rossiyskoy agrosfery [Liberation of peasants as indicator of destructive transformation of the Russian agrosphere]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 1, 126-133.

20. Khagurov, A. A. (2012). *Sotsiologiya rossiyskogo sela: monografiya: 3-e izd., pererab. i dop. [Sociology of the Russian village: monograph: 3rd revised and enlarged edition]*. Moscow: IS RAN Publ., 390.

Author

Pavlov Boris Sergeyevich — Doctor of Philosophy, Professor, Leading Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: pavlov_boris@mail.ru).